Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/BNSWLJ
УДК 821.133.1.0
ББК 83.3(4Фра)

РЕФЛЕКСИЯ НАД ПОНЯТИЕМ HONNÊTE HOMME[1] В КОМЕДИИ МОЛЬЕРА «МИЗАНТРОП»

© 2022 г. С.Ю. Павлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Дата поступления статьи: 05 ноября 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 19 декабря 2021 г.
Дата публикации: 25 июня 2022 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-102-119

Аннотация: Комедия Мольера «Мизантроп» (1666) рассматривается в контексте придворно-салонной культуры XVII в., для которой понятие honnête homme было одним из наиболее значимых. Прослеживается изменение этого идеала под влиянием галантности как поведенческой нормы, утвердившейся с началом единоличного правления Людовика XIV и ставшей для знати, которая утратила политическую самостоятельность после поражения Фронды, формальным маркером элитарности. Доказывается, что рефлексия драматурга над трансформацией этой поведенческой модели во второй половине столетия определила направленность и характер его смеха. Анализ места действия, сюжета и системы персонажей «Мизантропа» в соотнесении с концепцией honnêteté выявляет неоднозначность происходящего в пьесе и объясняет своеобразие образа главного героя. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что Мольер не ставил под сомнение этическую основу рассматриваемого понятия и в целом разделял поведенческий кодекс французских придворных, но при этом посредством иронии и насмешки показал, что культивируемое в галантном обществе «искусство нравиться» могло с легкостью обернуться лицемерием, обманом и попустительством пороку. Комедия «Мизантроп» стала свидетельством того, что во второй половине XVII в. галантная эстетика начала преобладать над этикой honnête homme, следствием чего стало постепенное размывание этого идеала.

Ключевые слова: Мольер, «Мизантроп», honnête homme, галантность, комедия, французская литература XVII в.

Информация об авторе: Светлана Юрьевна Павлова — доктор филологических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, 410012 г. Саратов, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7870-2772

E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

Для цитирования: *Павлова С.Ю.* Рефлексия над понятием honnête homme в комедии Мольера «Мизантроп» // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 2. С. 102–119. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-102-119

1 Как верно отметил в своих рассуждениях об *honnête homme* еще шевалье де Мере, «французы обладают преимуществом обозначить одним единственным словом то, что невозможно выразить на других языках» [25, p. 2]. В силу отсутствия точного русского эквивалента, мы оставляем это словосочетание без перевода.

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 2, 2022

MOLIÈRE'S REFLECTIONS ON THE CONCEPT OF "HONNÊTE HOMME" IN *THE MISANTHROPE*

© 2022. Svetlana Yu. Pavlova
Saratov State University,
Saratov, Russia
Received: November 05, 2021
Approved after reviewing: December 19, 2021
Date of publication: June 25, 2022

Abstract: The author of the article examines Molière's comedy *The Misanthrope* (1666) within the context of the 17th century courtly and salon culture, where the idea of "honnête homme" was one of the most significant. Under Louis XIV, gallantry became a norm for aristocracy following its defeat in the Fronde, which marked the loss of aristocracy's political independence. The article shows how the rise of gallantry influenced "the honnête homme" ideal and how Molière's reflections on transformations of this modes of behavior guide the objects and nature of his comedy. The article reveals the ambiguity in the play's content and in the central character with review of the space, the plot, and characters of *The Misanthrope* in the light of "the honnêteté" concept. Molière, though not questioning the ethical basis of the concept and generally sharing the court standard of behavior, nevertheless by means of irony and mockery shows how easily "the art to please", cultivated in the gallant society, turns into hypocrisy, deception, complicity in vice. *The Misanthrope* is the evidence of the fact that in the second half of the 17th century gallant aesthetics was winning over the ethics of "honnête homme", which in its turn was gradually fading out.
Keywords: Molière, *The Misanthrope*, honnête homme, gallantry, comedy, 17th century French literature.
Information about the author: Svetlana Yu. Pavlova, DSc in Philology, Professor, Saratov State University, Astrakhanskaya 83, 410012 Saratov, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7870-2772
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru
For citation: Pavlova, S.Yu. "Moliere's Reflections on the Concept of 'Honnête Homme' in *The Misanthrope*." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, 2022, pp. 102–119. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-102-119

Комедия Жан-Батиста Мольера «Мизантроп, или Желчный влюбленный» (1666) — это «самое личное, самое выстраданное и самое философское произведение <...>, наиболее полно выразившее его мировоззрение» [3, с. 16]. Пьесу можно с полным основанием считать и самой дискуссионной в творческом наследии великого французского драматурга. Интерес к «Мизантропу» не ослабевает потому, что «это шедевр, и как всякий шедевр, он открыт для любых критических подходов, которые теория литературы предлагает интерпретаторам» [14, p. 457].

Восприятие комедии менялось от века к веку, что отразилось в оценках как именитых писателей, так и профессиональных литературоведов. На смену хвалебным словам теоретика классицизма Буало [15, с. 94] пришел взгляд просветителей, сместивших акценты в интерпретации образов пьесы в сторону возвеличения принципиальной позиции Альцеста и неприятия компромиссной морали Филинта [19, с. 93–100; 20, p. 32–33]. Движение в этом направлении продолжила университетская критика периода III Республики, видевшая в главном герое одинокого бунтаря, протестующего против социальных устоев [8, p. 516]. Такой подход по понятным идеологическим причинам был подхвачен советскими литературоведами, сделавшими Альцеста едва ли не сторонником народных интересов [1, с. 41; 2, с. 152].

Современная французская мольеристика акцентирует значимость придворно-салонной культуры для понимания комедии «Мизантроп» [7; 14; 6 etc.]. В фокусе внимания исследователей закономерно оказывается важнейший для Великого века идеал honnête homme, в соотнесении с которым рассматриваются образы героев. В русле такого подхода к комедии

проанализируем направленность мольеровского смеха как способа реакции на трансформацию этого понятия во второй половине XVII в.

Как известно, во Франции представление об honnêteté, восходящее к итальянским образцам Бальдассаре Кастильоне и Джованни делла Каза, было наиболее основательно осмыслено Николя Фаре и шевалье де Мере. Автор трактата «Honnête homme, или Искусство нравиться при дворе» (1630) описал этот поведенческий образец прежде всего для людей благородного происхождения и подвел под него твердую этическую основу, что соответствовало общественной роли французской знати в первой половине XVII столетия. Согласно Фаре, honnêtes hommes — это в высшей степени достойные люди, поддерживающие представление «о чистых и невинных нравах». Они «учтивы и вежливы», в беседе «внимательны и никогда не прерывают», их обращение «легкое и приятное», а душа обнаруживает «столько честности, речи столько здравого смысла», что это привлекает к ним всех [21, p. 191–192]. С трактатом Фаре, переизданном до премьеры «Мизантропа» четыре раза, Мольер наверняка был прекрасно знаком (см.: [9, p. 45]).

Произведения шевалье де Мере вышли после постановки комедии, но его взгляды были разлиты в атмосфере эпохи, которую драматург чутко улавливал. К этому времени само понятие honnête homme претерпело изменения. Ш. Сорель в 1671 г. отмечал, что если ранее оно использовалось для обозначения «человека, наделенного всеми совершенствами и добродетелями», то с тех пор, как появилась одноименная книга Фаре, «вполне обоснованно наполнилось более широкими смыслами» (цит. по: [24, p. 547]).

В «Беседах» (1670) и рассуждениях, включенных в «Посмертные сочинения» (1700), Мере адаптировал концепцию honnêteté к новым реалиям, связанным с усилением абсолютистской политики Людовика XIV и изменением положения знати после поражения Фронды. Важной составляющей этих процессов стало утверждение галантности как поведенческой нормы, наиболее отвечавшей запросам молодого короля и его двора. Французские вельможи, утратившие политическую самостоятельность, отныне стремились сохранить свое влияние посредством совершенствования галантных практик светского общения. Успешное владение ими стало в большей степени определять элитарное положение знати, чье отличие отныне «будет носить скорее эстетический, чем моральный характер, чья функция будет менее важной, чем форма» [5, p. 72].

По этой причине Мере, называя honnêteté «квинтэссенцией всех добродетелей» [25, p. 8], не довольствуется простым наличием таких качеств у человека, а настаивает на умении их демонстрировать и использовать ради того, чтобы достичь успеха при дворе. Он утверждает, что «величайшая забота» honnêtes hommes «состоит в том, чтобы стремиться заслужить уважение и заставить себя любить» [25, p. 4].

Смещение акцента с самоценных достоинств придворного на его коммуникативные свойства привело к тому, что в представлениях об honnêteté, изначально неразрывно связанных с честностью и прямотой, на первый план вышла способность к гибким формам поведения, основанным на этическом компромиссе. В результате идеал honnête homme все больше смешивался с близкой, но не тождественной поведенческой моделью галантного человека (galant homme), предполагавшей не столько верность твердым моральным принципам, сколько умение произвести благоприятное впечатление посредством утонченного владения навыками светской беседы, ухаживания за дамами, выбора и ношения модных нарядов, культурного проведения досуга (сочинительства, разгадывания шарад, музицирования, хореографии, театральной игры). Такое сближение зафиксировал «Словарь Французской академии» (1694), где, помимо основного значения, связанного с честью, добродетелью и честностью, второго, указывавшего на приятность в общении, появилось дополнительное: «...это человек, в котором видят только приятные манеры и светские качества; в этом смысле honnête homme равнозначен галантному человеку, хорошему собеседнику и компаньону» [22, p. 570]. Трансформация понятия означала, что в эпоху короля-солнце honnêtes hommes все чаще культивировали не аристократический кодекс чести, а придворное искусство нравиться (“l’art de plaire”).

Мольер принадлежал к числу тех, кто это искусство демонстрировал и на сцене, и при дворе, даже несмотря на то что его внутренний склад и обстоятельства частной жизни мало тому способствовали. «В двух своих функциях актера и придворного он был призван играть роль, но для обеих этих ролей принципиальным критерием было одно и то же — умение нравиться королю» [4, p. 27]. Как потомственный обойщик и камердинер Мольер искусно выполнял придворные обязанности. Как талантливый драматург и актер с блистательным даром комического перевоплощения он умело развлекал Людовика XIV и его двор.

Галантный дух эпохи прекрасно отразили комедии-балеты Мольера, в которых с удовольствием танцевал сам король. Идеал honnêteté также нашел воплощение в его творчестве и, думается, был близок ему самому, на что указывали уже современники. В одном из основных источников для изучения биографии Мольера — «Предисловии» к первому посмертному изданию пьес 1682 г., осуществленному Лагранжем и Жаном Виво, отмечается: «При дворе его считали <...> человеком учтивым и достойным, <...> умеющим приспосабливаться к нравам тех, с кем ему приходилось жить, обладающим прекрасной и щедрой душой, одним словом, проявляющим все имеющиеся у него качества совершенного honnête homme» [27, n. p.]. О том, что для самого Мольера означал идеал honnêteté, можно судить по комедии «Мизантроп».

Первое издание пьесы 1667 г. сопровождалось «Письмом о комедии Мизантроп», авторство которого приписывается Жану Донно де Визе. В этом своеобразном предисловии, где критика нравов века предстает одной из важнейших задач Мольера-драматурга, утверждается, что Альцест «заставляет смеяться honnêtes gens, не прибегая к пошлым и низким шуткам, как это обычно происходит в комических пьесах» [23, n. p.]. Такая формулировка позволяет заключить, что комедия предназначалась именно для honnêtes gens. Еще в «Критике “Школы жен”» (1663) Мольер писал, что заставить их смеяться — «это дело нелегкое» [18, с. 508]. Вместе с тем, именно honnêtes gens составляли ту часть аудитории, которая могла воспринять и по достоинству оценить новое качество мольеровской пьесы, вызывавшей смех не в силу комизма положений, а благодаря своеобразию характеров и нравов. Комедия «Мизантроп» предлагала утонченное развлечение смеяться «менее громко», «смеяться в душе» [23, n. p.], реагируя на неочевидное — тонкую шутку, мягкую иронию, а порой и горькую насмешку.

Эти градации комического возникают не просто в процессе раскрытия характеров героев, но по мере соотнесения их образов с нравами. По словам С. Витановика, в этой пьесе «комизм возникает из-за их несовместимости. И чтобы понять эту несовместимость, необходим четко определенный критерий оценки принципов и правил поведения в обществе. Вот почему мысль Мольера, как и мысль его аудитории, должна основываться на понятии honnêteté, другого исторически обоснованного решения не существует» [14, p. 467].

Контуры образа honnête homme Мольер-драматург и персонаж очертил в «Версальском экспромте» (1663) в наставлениях Брекуру: «...вам надлежит держать себя с достоинством, говорить совершенно естественно и по возможности избегать жестикуляции» [17, с. 524]. В «Мизантропе» приведенная краткая характеристика переросла в глубокую рефлексию.

Об этом можно судить уже по составу действующих лиц комедии. Все они, за исключением слуг и гвардейца, в той или иной степени связаны с королевским двором, а значит, являются носителями представлений о нормах светского поведения, основанных на honnêteté. Местом действия «Мизантропа» Мольер делает салон Селимены, т. е. такое пространство, в котором во второй половине XVII в. культивировались нормативные поведенческие модели.

Сюжет комедии развивается в ходе сцен-бесед с участием двух или нескольких лиц. Умение вести беседу было важным качеством honnête homme, особенно в общении с дамами. Под влиянием галантной культуры оно приобрело еще большую значимость, а также изысканность за счет усиления эстетической составляющей. Беседа была призвана выявить лучшие свойства ума и вкуса ее участников, сделать совместный досуг интересным и приятным. Но в салоне Селимены беседа лишь отчасти отвечает этим высоким критериям и принимает разные формы: не только учтивого обмена мнениями, взаимных комплиментов, остроумных перепалок, литературных дискуссий, но и злоязычной болтовни, горячего спора, ссоры, нарушающих этический и эстетический кодекс как honnêteté, так и «прекрасной галантности» (belle galanterie) [13, p. 31].

Диалоги персонажей строятся вокруг чувств и особенностей поведения, присущих как им самим, так и другим представителям придворного общества. Уже в словесном поединке между Альцестом и Филинтом, открывающем пьесу, обнаруживаются две противоположных точки зрения на то, чем прежде всего надлежит руководствоваться человеку в общении с другими, — стремлением быть самим собой или правилами приличия. Поведенческий кодекс honnêtes gens в том понимании, которое было присуще французским придворным второй половины XVII в., формулирует Филинт:

> Mais quand on est du monde, il faut bien que l'on rende
> Quelques dehors civils, que l'usage demande. <...>

La parfaite raison fuit toute extrémité,
Et veut que l'on soit sage avec sobriété.
(Acte I, 1; 65–66; 151–152)[2]

Вращаясь в обществе, мы данники приличий,
Которых требуют и нравы и обычай. <...>
Благоразумие от крайностей бежит
И даже мудрым быть умеренно велит[3].

На протяжении всего действия Филинта отличает разумность, сдержанность, благопристойность, порядочность. Разделяя взгляды главного героя на порочность современных нравов, он ратует за снисхождение к человеческой природе и проявляет терпимость, в том числе к гневным выпадам собеседника в свой адрес, которые вполне в духе галантной беседы стремится смягчить самоиронией или литературными аллюзиями. Филинт старается помочь Альцесту в делах, достойно ведет себя в ситуации соперничества с ним за сердце Элианты, проявляет искреннюю обеспокоенность его судьбой. Эти положительные качества и поступки, соответствующие образу honnête homme, вызывают уважение к герою, но не делают его поведение образцовым. Как известно, в сцене с сонетом Оронта Мольер иронически изображает восторги Филинта по поводу весьма посредственного творения новоявленного поэта, таким образом вскрывая опасные грани галантной любезности, легко переходящей в лесть и обман.

Альцест не приемлет компромиссной морали Филинта и, на первый взгляд, чужд идеалу honnêteté. О нежелании героя адаптироваться к новым нравам свидетельствуют следы архаичности в его образе (от зеленых бантов, давно вышедших из моды, до старинной песни, которую он предпочитает галантным сонетам). Речь и поведение Альцеста отличают безжалостная прямота, нарочитая серьезность, чрезмерная горячность, категоричность, желчность (даже по отношению к возлюбленной, на что точно указывает подзаголовок), отсутствие заботы о чувствах других — все то, что

2 Французский текст «Мизантропа» цит. по: [26].

3 Здесь и далее перевод Т. Щепкиной-Куперник. Обратим внимание, что в этом и других русских переводах (Ф. Кокошкина, В. Курочкина, Н. Холодковского) словосочетание honnête homme передается с помощью различных синонимов (порядочный, честный, человек чести и т. д.), не отражающих в полной мере смысл понятия.

противоречило благопристойному и любезному поведению honnêtes gens. Эти черты ослепляют Альцеста и делают смешным. Утрируя их, Мольер высмеивает поведенческие крайности, идущие вразрез со здравым смыслом и гуманностью. И все же общеизвестно, что образ протагониста далеко выходит за рамки комического и является сложным как для сценической, так и для литературоведческой интерпретаций, поскольку мольеровский персонаж отстаивает близкие самому автору морально-этические ценности. Не случайно его роль в комедии исполнял сам драматург.

Система ценностей Альцеста на поверку оказывается тесным образом связана с honnêteté. На это обратил внимание Донно де Визе еще в момент первого издания комедии: «Мизантроп, несмотря на свое безумие, если так можно определить его нрав, обладает характером honnête homme» [23, n. p.]. Мольер наделил героя такими качествами, которые лежали в основе этического кодекса honnêtes gens, что подтверждает его прототип. Принято считать, что им был герцог де Монтозье, имевший среди современников репутацию принципиального, честного и чистосердечного человека. В мемуарах Данжо есть упоминание о его реакции на главного героя комедии после спектакля. Герцог сказал, «что, если Мольер думал о нем, создавая Мизантропа, обладавшего характером самого совершенного honnête homme, то оказал ему этим огромную честь, которую он никогда не забудет» (цит. по: [12, p. 13]).

Показательно, что именно Альцест с уважением и чаще других персонажей комедии употребляет словосочетание “honnête homme / honnêtes gens” или слово honnêteté (семь раз из десяти). При этом он протестует против неразборчивой учтивости и проявляет себялюбие, которое под маской приличия не «надеется что-нибудь выгадать» [16, с. 156], а хочет быть отличным от других, что нарушает галантный принцип всеобщей дружеской приветливости. Альцест настаивает на необходимости быть правдивым в отношениях с людьми, называя такое поведение единственно приемлемым для человека чести (homme d’honneur). Согласно «Словарю Французской академии», в основе этой родственной honnête homme поведенческой модели лежат добродетель и честность (см.: [22, p. 568]). Уже в первом монологе, порицающем дружеские излияния Филинта в адрес малознакомого господина, Альцест апеллирует к человеку чести, а затем в чеканном двустишии так формулирует свой главный жизненный принцип:

Je veux qu'on soit sincère, et qu'en homme d'honneur,
On ne lâche aucun mot qui ne parte du cœur (I, 1; 35–36).

<…> Быть правдивыми, и знать прямую честь,
И говорить лишь то, что в вашем сердце есть.

Главный герой ставит в один ряд человека чести и honnête homme, а противопоставляет им модников и фатов. Первых он наделяет достоинством, добродетелью, разумом, правдивостью, справедливостью. Характеристика вторых в монологах Альцеста строится на скрещении лексики, входящей в семантическое поле двух слов: «галантность» (civilités / приличия, compliments / комплименты, estime / уважение, tendresse / нежность, éloge / похвала, complaisance / услужливость) и «обман» (contorsions / кривлянья, flatterie / лесть, injustice / несправедливость, intérêt / расчет, trahison / измена, fourberie / коварство, masque / маска). Такое сближение выявляет взаимосвязь между галантностью и обманом, проблематизирует этический аспект придворно-салонной культуры, задает критический модус ее оценки. Альцест дает наглядный пример того, к чему приводит учтивость на грани беспринципности, описывая своего оппонента по судебному процессу, откровенного негодяя, которого, свет, однако, ставит выше honnête homme:

Sur le plus honnête homme, on le voit l'emporter (I, 1; 140).

Порядочных людей он перегонит всех.

Поступки протагониста продиктованы верой в приоритет моральных ценностей, которые он считает объективными, непреложными, неподвластными воздействию извне и более значимыми, чем правила учтивости. По этой причине Альцест отказывается нанести визит судьям по своему процессу, хотя их посещение было общепринятой практикой в XVII в., своего рода «долгом вежливости» [10, p. 120] (Селимена, тоже вовлеченная в судебное разбирательство, именно для этого ищет поддержки у Клитандра). Ради отстаивания нравственных принципов он готов проиграть судебный процесс, понести существенный финансовый урон, даже удалиться от света. Именно убеждения не позволяют Альцесту хвалить посредствен-

ный сонет Оронта и объясняют стремление до последнего защищать свою позицию перед трибуналом маршалов, призванным решать вопросы чести между дворянами. Победа его оппонента в суде и самоуверенность Оронта знаменуют для героя торжество не просто лицемерия и несправедливости, но и основанных на этих принципах социальных порядков, к которым он не желает быть причастным.

Ценности, защищаемые Альцестом, лежат в основе этики honnêtes gens, на что указывает он сам, объясняя нежелание обманывать Оронта и изменять правде:

> Et parce que j'en use avec honnêteté <…> (V, 1; 1511).

> Так только потому, что я был прям и смел <…>.

Примечательно, что автора сонета «Надежда» он дважды называет honnête homme, при этом, однако, оба раза ссылаясь на мнение двора [26, p. 132, 194]. Герой его прямо не опровергает, но и не солидаризуется с ним, что создает ощущение неоднозначности самой характеристики, которая может быть истолкована по-разному. В обоих случаях понять смысловые оттенки определения honnête homme применительно к Оронту помогает контекст.

Первый раз Альцест называет его так не прямо, а косвенно во время спора из-за сонета, когда выражает свое возмущение страстью придворных к сочинительству ("Cette soif a gâté de fort honnêtes gens" (I, 2; 360) / «Вконец испортила порядочных людей») и предупреждает Оронта о том, что стихоплетство может сделать honnête homme посмешищем. Суть противостояния героев в этом споре определяется не только разной оценкой художественных достоинств сонета, но и носит более глубинный характер. В галантную эпоху умение сочинять стихи стало значимым элементом придворно-салонного общения, а значит, важным навыком honnête homme. Альцест выступает явным противником таких перемен. Свое отношение к сочинительству он обозначает еще раз перед трибуналом маршалов:

> On peut être honnête homme, et faire mal des vers;
> Ce n'est point à l'honneur, que touchent ces matières (IV, 1; 1144).

Прекрасный человек ведь все-таки при этом
Отлично может быть посредственным поэтом.

Думается, эта мысль, повторяющаяся в пьесе дважды, отражает мольеровское понимание honnêteté как основы нравственности придворных, которую не должна подменять внешняя, эстетизированная сторона их жизни.

Вторая характеристика Оронта как honnête homme содержится в монологе главного героя, произнесенном после приговора суда. Рассказывая о подлости своего оппонента, распространявшего лживые слухи о том, что он является автором некоей гнусной книги, Альцест называет в числе его подручных Оронта:

Lui, qui d'un honnête homme, à la cour tient le rang <...> (V, 1; 1507).

Оронт, которого считает честным двор <...>.

Причастность к низости и клевете, постыдная согласно этическому кодексу honnêtes gens, делает поведение Оронта недостойным и превращает слова протагониста о нем в горькую насмешку. Мольер таким образом подчеркивает явное выхолащивание исконных представлений об honnêteté среди французских придворных.

В комедии Альцест предстает не антиподом honnête homme, а, скорее, противником того ослабления этических критериев, которое стало следствием влияния на эту поведенческую модель галантной культуры. Такое понимание объясняет и неоднозначность образа героя, и его специфический комизм, существенно осложненный возвышенным компонентом, и прохладную реакцию двора на мольеровского «Мизантропа». Расхождение между словом и поступком, между «быть» и «казаться», которое Альцест не приемлет, но постоянно видит среди тех, кого свет считает honnêtes gens, в полной мере раскрывает сюжет комедии.

События, происходящие в пьесе (ссора из-за сонета, известие о неблагоприятном исходе судебной тяжбы, обнародование писем), позволяют Мольеру изобразить нравы и показать, насколько галантные манеры посетителей салона Селимены согласуются с их нравственными качества-

ми. Персонажи демонстрируют способность быть учтивыми, однако мера проявления этой важной для honnêtes gens черты оказывается различной. Она колеблется от робких попыток Альцеста избежать необходимости оценивать сонет «Надежда» или его молчаливого согласия побыть с Арсиноей, неуклюжей в своих потугах соблюдать приличия, через любезность Филинта или приветливость Элианты до склонности Оронта к нарочитой похвале или до беззастенчивых комплиментов маркизов Селимене, легко переходящей от вежливости к злословию. Учтивое поведение выглядит естественным для всех персонажей, кроме Арсинои и Альцеста. Первой оно дается с трудом в силу ханжеского характера и, по всей видимости, более низкого происхождения, а второму — из-за принципиального неприятия любых форм неискренности.

За исключением Альцеста, все герои комедии явно ориентируются на то понимание honnêteté, которое возобладало в эпоху правления Людовика XIV под влиянием галантных нравов. Они видят в общении приятное и взаимовыгодное времяпрепровождение, стараются составить о себе хорошее впечатление, по крайней мере до тех пор, пока не сталкиваются с поступками, выходящими за рамки общепринятого галантного кода. Так, Оронт восхищается Альцестом, полагая, что подобным образом добьется его расположения и желанных для себя ответных похвал. Однако после ссоры из-за сонета он отбрасывает былую любезность и обращается в трибунал маршалов с жалобой на главного героя. Столь же недостойно Оронт поступает и по отношению к Селимене, когда, узнав об ее истинных чувствах, не обходится без колкостей.

Похожим образом ведут себя Акаст и Клитандр. Маркизы льстиво восторгаются Селименой и ищут ее благосклонности, но после обнародования писем, в которых она откровенно высмеивает обоих, переходят к унижениям и даже угрозам. В этих сценах Мольер, сбрасывая с персонажей маску галантной учтивости, высмеивает ее поверхностный и обманчивый характер.

Лицемерным оказывается и любезное поведение дам — Селимены и Арсинои. Драматург блестяще это демонстрирует, обыгрывая их речь. Во время визита Арсинои к Селимене героини, следуя правилам приличия, обмениваются любезными фразами и, казалось бы, не преступают границ вежливости. При этом интонационные регистры, которые окрашивают их

речь, различаются: Селимена использует легкую тональность галантных оборотов, тогда как Арсиноя избирает дружески-нравоучительный тон. Однако по ходу развития диалога становится понятно, что устойчивые формулы вежливости лишь маскируют взаимную неприязнь. Арсиноя, прикрываясь мнением неких весьма добродетельных особ, которому она якобы пыталась противостоять, без стеснения порицает поведение Селимены и дает ей наставления. Остроумная хозяйка дома отвечает ей той же монетой. Она тонко пародирует напыщенную речь Арсинои, умело вплетая в свой монолог слова и выражения, характерные для лицемерных святош. Пользуясь ее же приемом, Селимена под видом чистосердечного дружеского участия рисует весьма нелицеприятный портрет этой ханжи.

Как и в случае с мужскими персонажами, Мольер использует прием саморазоблачения для усиления комического эффекта. Двуличный нрав Арсинои раскрывается в сцене с Альцестом, которому она сначала без обиняков сообщает об обмане его возлюбленной и своей «подруги», а затем предоставляет доказательства ее неверности. В финальном действии поведение Арсинои и вовсе выглядит откровенно неприличным, поскольку само ее появление у Селимены может быть объяснено только желанием насладиться разоблачением хозяйки дома. Она надменно обличает Селимену и защищает Альцеста, но, получив от него отпор, уже не скрывает своей язвительности и злобы.

Далеким от естественной доброжелательности honnêtes gens предстает и характер Селимены. Она злословит о придворных (Клеонт — смешон, Тимандр — всегда занят без повода, Адраст — напыщенный гордец и т. д.), дает весьма жесткую характеристику Арсиное, наконец, отнюдь нелестно высказывается о своих ухажерах в письмах, неожиданно ставших всеобщим достоянием (Акаст — самый незначительный человек, Альцест — самый несносный, Оронт — ударившийся в остроумие, Клитандр — слащавый).

В образе Селимены проявляются те неочевидные грани галантности, которые противоречат исконным представлениям об honnêteté. В полном соответствии с галантным духом героиня стремится нравиться всем и с успехом влюбляет в себя многочисленных кавалеров, в том числе благодаря своим остротам. Но они постоянно переходят в злословие, что подрывает уважение к человеку и делает поведение Селимены недостойным с точки зрения этики honnêtes gens. Однако Мольер этим не ограничивается

и показывает более сложные нюансы восприятия злословия в галантную эпоху, когда в салонной беседе оно нередко воспринималось благосклонно. Такое отношение к словесным колкостям определялось их адресацией: порицания об отсутствующих вполне допускались и даже подчеркивали способность говорящего нравиться окружающим. Во второй половине XVII в. «злословить об отсутствующих — значит доставлять удовольствие присутствующим, которые склонны естественным образом полагать, что избегают осуждения, выносимого другим» [11, p. 869]. Вот почему гости Селимены подхватывают ее остроты в адрес тех, кого нет среди посетителей салона, и не прощают ей язвительных выпадов по поводу самих себя.

В ряду женских персонажей только Элианта оказывается чужда злословия, чистосердечна, по-настоящему добра и терпима. Она вызывает симпатию благодаря тому, что ее такт и доброжелательность согласуются с порывами сердца. Неспособность к лицемерию и честность сближают героиню с Альцестом, тогда как любезность и заботливое внимание к другому — с Филинтом. Наряду с ним, Элианта руководствуется в своих действиях не столько собственными желаниями, сколько чувствами любимого человека. В этом плане они оба в полной мере воплощают ключевую для honnêteté «этику дара, исключающую себялюбие, ратующую за стирание “я” перед другими, практикующую искусство нравиться без всякой корысти» [11, p. 885]. Вместе с тем, по контрасту с Филинтом, именно эта героиня, чьи слова и поступки не противоречат чувствам и мыслям, вновь доказывает, что драматург не оправдывает льстивой снисходительности, равнозначной обману.

В образе Элианты гармонично соединяются высокие моральные достоинства и безукоризненные манеры honnêtes gens. Такое идеальное сочетание качеств представляется Мольеру желанным, совершенным, образцовым, но при этом, по всей видимости, трудно соотносимым с человеческой природой. Не случайно в художественном отношении образ кузины Селимены наименее выразителен, а счастливая сюжетная развязка ее истории выглядит не до конца убедительной. Возможный союз двух honnêtes gens — Элианты и Филинта — кажется разумным и правильным, но не отменяет отмеченных выше расхождений между ними и чувства героини к Альцесту, который, в отличие от его друга, восхищает ее благородной и героической искренностью.

Соотнесение сюжета и системы персонажей комедии «Мизантроп» с концепцией honnêteté свидетельствует о рефлексии Мольера над важнейшими для второй половины XVII в. проблемами, связанными с тем, как соотносятся честность и учтивость, добродетель и себялюбие, искренность и любезность, принципиальность и вежливость; какая грань отделяет комплимент от лести, острословие от злоязычия, терпимость от беспринципности; каким образом можно уравновесить нормы морали и галантное «искусство нравиться». Проблематика комедии придает ей философскую глубину, позволяющую открыть в Мольере «художника, сравнимого с Ларошфуко и Паскалем по способности проникнуть в человеческую природу» [11, p. 881].

«Мизантроп» Мольера отразил трансформацию понятия honnête homme под влиянием галантных нравов. Не ставя под сомнение этическую основу honnêteté и в целом разделяя нормативные поведенческие представления придворно-салонной культуры, драматург посредством иронии и насмешки показал, что культивируемое в галантном обществе искусство отточенных благопристойных манер может с легкостью обернуться обманом, лицемерием и попустительством пороку. Комедия Мольера «Мизантроп» стала свидетельством того, что во второй половине XVII в. галантная эстетика начала преобладать над этикой honnête homme, следствием чего стало постепенное размывание этого идеала.

Список литературы

Исследования

1 *Бояджиев Г.Н.* Жан-Батист Мольер // *Мольер Ж.Б.* Собр. соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 1. С. 5–54.

2 *Обломиевский Д.Д.* Мольер // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1987. Т. 4. С. 146–152.

3 *Разумовская М.В.* «Мизантроп» Ж.-Б. Мольера как интеллектуальная драма // Французский интеллектуальный театр. Тезисы докладов. СПб.: [б. и.], 1993. С. 16–18.

4 *Caldicott C.E.J.* La carrière de Molière: entre protecteurs et éditeurs. Amsterdam; Atlanta: Rodopi B.V., 1998. 224 p.

5 *Dickson J.* Honnêteté et idéologie dans Le Misanthrope // Cahiers du dix-septième siècle. Journal of the Southeast American Society for French Seventeenth Century Studies. 1989. № 2. P. 71–81.

6 *Grimm J.* Le Misanthrope, portrait du siècle // Littératures classique. 2000. №°38. P. 51–61.
7 *Jasinski R.* Molière et Le misanthrope. Paris: Colin, 1951. 326 p.
8 *Lanson G.* Histoire de la littérature française: en 2 t. Paris: Librerie Hachette et Cie, 1895. T. 1. 1158 p.
9 *Lop É., Sauvage A.* Introduction // *Molière.* Le Misanthrope. Paris: Éditions Sociales, 1963. P. 7–107.
10 *Lop É., Sauvage A.* Notes // *Molière.* Le Misanthrope. Paris: Éditions Sociales, 1963. P. 7–209.
11 *Mesnard J.* “Le Misanthrope” mise en question de l’art de plaire // Revue d’Histoire Littéraire de la France. 1972. № 5–6. P. 863–889.
12 *Roux Ph.-J.* Réflexions sur *Le Misanthrope.* Bordeaux: Impr. de G. Gounouilhou, 1866. 30 p.
13 *Viala A.* La France galante. Essai historique sur une catégorie culturelle, de ses origines jusqu’à la Révolution. Paris: Presses Universitaires de France, 2008. 540 p.
14 *Vitanovic S.* Le Misanthrope de Molière et les théories de l’honnête homme // XVIIe siècle. 1990. № 169. P. 457–467.

Источники

15 *Буало-Депрео Н.* Поэтическое искусство / пер. с фр. Э.Л. Линецкой. М.: Гослитиздат, 1957. 231 с.
16 *Ларошфуко Ф. де.* Максимы и моральные размышления / пер. с фр. Э.Л. Линецкой // *Ларошфуко Ф. де.* Мемуары. Максимы. Л.: Наука, 1971. С. 149–234.
17 *Мольер Ж.Б.* Версальский экспромт / пер. с фр. А.М. Арго // *Мольер Ж.Б.* Собр. соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 1. С. 515–536.
18 *Мольер Ж.Б.* Критика «Школы жен» / пер. с фр. А.М. Арго // *Мольер Ж.Б.* Собр. соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 1. С. 489–514.
19 *Руссо Ж.-Ж.* Письмо к д’Аламберу о зрелищах / пер. с фр. Д.А. Горбова // *Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 1. С. 65–177.
20 *Chamfort.* Œuvres: en 4 t. Paris: Impr. des sciences et des arts, 1794. T. 1. P. 1–58.
21 *Faret N.* L’honneste-homme ou L’art de plaire a la court. Paris: Chez du Bray, 1630. 268 p.
22 Le dictionnaire de l’Académie françoise, dédié au Roy: en 2 t. A-L. Paris: Veuve J.B. Coignard et J.B. Coignard, 1694. T. 1. 761 p.
23 Lettre écrite sur la comédie du *Misanthrope* // *Molière J.B.P. de.* Le Misanthrope. Paris: Chez Jean Ribou, 1667. [n. p.].
24 Lexique de la langue de Molière comparée à celle des écrivains de son temps aves des commentaires de philologie historique et grammaticale par Ch.-L. Livet: en 3 t. Paris: Imprimerie nationale, 1896. T. 2. D–L. 666 p.

25 *Méré*. De la vraie honnêteté // *Méré*. Œuvres posthumes. Paris: Chez Jean et Michel Guichard, 1700. P. 1–44.

26 *Molière*. Le Misanthrope // *Molière*. Le Misanthrope. Paris: Éditions Sociales, 1963. P. 109–209.

27 Préface // *Molière*. Les œuvres de Monsieur de Molière ([Reprod.]). Paris: Chez Denys Thierry, Claude Barbin, Pierre Trabouillet, 1682. [n. p.].

References

1 Boiadzhiev, G.N. “Zhan-Batist Mol’er” [“Jean-Baptiste Molière”]. Mol’er, Zh.B. *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [*Collected Works: in 2 vols.*], vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1957, pp. 5–54. (In Russ.)

2 Oblomievskii, D.D. “Mol’er” [“Molière”]. *Istoriia vsemirnoi literatury: v 8 t.* [*History of World Literature: in 8 vols.*], vol. 4. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 146–152. (In Russ.)

3 Razumovskaia, M.V. “‘Mizantrop’ Zh.-B. Mol’era kak intellektual’naia drama” [“‘The Misanthrope’ by Molière as an Intellectual Drama”]. *Frantsuzskii intellektual’nyi teatr. Tezisy dokladov* [*French Intellectual Theater. Abstracts*]. St. Petersburg, 1993, pp. 16–18. (In Russ.)

4 Caldicott, Edric John. *La carrière de Molière*: *entre protecteurs et éditeurs*. Amsterdam, Atlanta, Rodopi B.V., 1998. 224 p. (In French)

5 Dickson, Jesse. “Honnêteté et idéologie dans Le Misanthrope.” *Cahiers du dix-septième siècle. Journal of the Southeast American Society for French Seventeenth Century Studies*, no. 2, 1989, pp. 71–81. (In French)

6 Grimm, Jurgen. “Le Misanthrope, portrait du siècle.” *Littératures Classique,* no. 38, 2000, pp. 51–61. (In French)

7 Jasinski, René. *Molière et Le misanthrope*. Paris, Colin, 1951. 326 p. (In French)

8 Lanson, Gustave. *Histoire de la littérature française: en 2 t.*, t. 1. Paris, Librerie Hachette et Cie, 1895. 1158 p. (In French)

9 Lop, Éduard, Sauvage, André. “Introduction. Molière.” *Le Misanthrope*. Paris, Éditions Sociales, 1963, pp. 7–107. (In French)

10 Lop, Éduard, Sauvage, André. “Notes. Molière.” *Le Misanthrope*. Paris, Éditions Sociales, 1963, pp. 7–209. (In French)

11 Mesnard, Jean. “‘Le Misanthrope’ mise en question de l’art de plaire.” *Revue d’Histoire Littéraire de la France*, no. 5–6, 1972, pp. 863–889. (In French)

12 Roux, Philippe-Jacques. *Réflexions sur Le Misanthrope*. Bordeaux, Impr. de G. Gounouilhou, 1866. 30 p. (In French)

13 Viala, Alain. *La France galante. Essai historique sur une catégorie culturelle, de ses origines jusqu’à la Révolution*. Paris, Presses Universitaires de France, 2008. 540 p. (In French)

14 Vitanovic, Slobodan. “Le Misanthrope de Molière et les théories de l’honnête homme.” *XVIIe siècle*, no. 169, 1990, pp. 457–467. (In French)